

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ-АСТИОНИМАМИ: ЛАКУНАРНОСТЬ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ

Статья посвящена проблеме соотношения национальных и интернациональных особенностей в пословицах с компонентами-астионимами. Показано, как интернациональные структурно-семантические модели пословиц функционируют в разных языках, как они приобретают национально-специфические черты.

Ключевые слова: пословица, топоним, структурно-семантическая модель, лакуна, межъязыковой параллелизм, этнокультурная специфика.

T. G. Nikitina

PROVERBS WITH ASTIONYMIC COMPONENT: LACUNARITY AND INTERLINGUAL PARALLELISM

The article deals with the correlation of national and international features in proverbs with toponymic components. The author of the article shows how the international structural and semantic models of proverbs function in different languages and how they acquire national specific features.

Key words: proverb, toponym, structural and semantic model, lacuna, interlingual parallelism, ethno-cultural specificity.

Большую ценность для лингвокультурологии представляют паремии, содержащие компоненты-топонимы, обладающие богатым национально-культурным фоном и являющиеся этнокультурными маркерами языкового сознания. Однако это не исключает возможности обнаружить в их семантике или логической структуре интернациональные черты. К паремиям в полной мере применимо высказывание Э. М. Солодухо о категориях национального и интернационального во фразеологии, где они являются «диалектическими противоположностями, существующими в единстве» и способными взаимопроникать, переходить друг в друга [20, с. 264]. Попытаемся проследить эти взаимопроникновения на материале пословиц с компонентами-астионимами.

Современные словари пословиц [10; 11; 12] свидетельствуют о том, что наиболее частотными топокомпонентами русских паремий является наименование столицы. Е. С. Абрамова характеризует пословицы с компонентом *Москва* как лакунарные, исследуя их на фоне французского языка [1, с. 42]. Тем не менее, нельзя не отметить несколько интернациональных паремиологических моделей, национальное воплощение которых содержит наименование столиц. Одна из них появилась на базе семантической кальки греческого слова *метрополия*: «N (столица) — мать городов [страны]»: *Киев — мать (матерь) городов русских, Praha — matka měst* (чешск.), *Москва — всем городам мать*, а также национально-специфическое развитие темы: *Москва — голова над всем городам, а Самолва — глава над всем деревням. (Пск.)* [11, с. 135].

Материал славянских, германских и финно-угорских языков [7; 9; 22] позволяет говорить о широком ареале паремиологической модели «N (столица) строилась долго = ‘большое дело делается поэтапно, планомерно, в течение определенного периода времени’»: *Москва не сразу (не вдруг) строилась, Не за дзень Вільна станавілася* (белорус.), *Nie od razu Kraków zbudowa* (польск.), *Rome was not built in one day* (англ.), *Nem egy nap épült Buda* (букв.: *Буда*

строилась не один день), ср.: вариацию в венгерском языке: *Nem egy nap épült Buda vára* (букв.: *Будайская крепость строилась не один день*).

Мотив возраста столицы реализуется в ее национально-специфических характеризующих номинациях (*Москва — горбатая старушка*. [19, с. 231]), а также формирует образы фразеологизмов: *je starý jako Praha* (букв.: *старый как Прага*) — ‘о чем-л. давно известном (информации, анекдоте и т. п.), представляемом как новое’ [23, с. 282].

Проблемы, с которыми сталкиваются жители и гости столицы, во всем их многообразии отражают русские пословицы, объективирующие следующие аксиологемы: «Жизнь в столице требует больших затрат»: *В Москву бресть — последнюю деньгу несть* [19, с. 53]; *В Москве деньгу (деньги) беречь — [так] себя не стеречь* [17, с. 37]; *Кого Питер не полюбит, последнюю шубу слупит* [17, с. 135] (ср. паремиологическую параллель в испанском языке: *Madrid, Madrideo, aquí me lo gano u aquí me lo dejo* (букв.: *Мадрид, Мадридехо здесь я зарабатываю и здесь все оставляю* [15, с. 17]); «Жизнь в столице тяжела, сурова (особенно для приезжих)»: *Москва бьет с носка, [а Питер бока повытер]* [17, с. 185]; *Москва что доска: стать широко (широка), да везде знетёт* [19, с. 231]; *Москва кому мать, [а] кому мачеха* [19, с. 231]; *Питер кому город, а кому — враг* [21, с. 119]; *Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести* [3, с. 47]; *В Москву идти — только голову нести* [17, с. 37]; Отсюда — переносное значение выражений *Москва слезам не верит* [19, с. 231; 13, с. 29]; *Москва слезам не потакает* [12, с. 556]; *Москва ни по ком (ни по чём) не плачет* [3, с. 260; 21, с. 89] (‘плачем, мольбой, сетованиями ничего не достигнешь’).

Русские пословицы, отражающие изобилие, царящее в Москве (аксиологема «Столица — богатый город»), построены на базе интернационального оборота *птичье молоко*, восходящего к древнегреческим источникам [2, с. 384]: *В Москве только нет птичьего молока* [8, с. 152]; *В Москве нет только птичьего молока да отца и матери* [19, с. 54]. Социокультурный фон других оборотов передает характерное для России противостояние столицы и провинции: *Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше (а лучше) деревенского едят* [19, с. 231; 4, с. 110]; *В Москве хлеба не молотят, а больше нашего едят* [17, с. 37]; *Москва у всей Руси под горой: всё в неё катится* [13, с. 28]; *Москва — царство, [а] деревня — рай* [19, с. 231; 21, с. 89]; *Москва не клином сошлась* [19, с. 231].

Национально-культурное воплощение получила в пословицах и фразеологизмах и тема веселой, разгульной столичной жизни, например, у русских: *В Москве каждый день праздник* [12, с. 556]; *В Москву разгонять тоску; В Москву за песнями едут* — прост. шутол. ‘о бесполезной, безрезультатной поездке’ [16, с. 25]. Ср.: венг. *Itt van Buda, itt hegedülj!* (букв.: *Здесь Буда, здесь играй на скрипке!*) — призыв начать веселиться [22, с. 87].

В качестве еще более распространенного отметим мотив удаленности какого-л. населенного пункта от столицы, который используется в разных языках для образования пословиц и фразеологизмов с негативной окраской: *Один в Москве, другой в Вологде, а оба голодны* [17, с. 240]; *Колос от колоса как от Москвы до Ростова* — ирон. ‘о плохо уродившихся зерновых, недороде’ [6, с. 130]. Ср. венг. *Annyira jársz tőle mint Bécs Budától (mint Buda Bécsből)* (букв.: *тебе до него как от Буды до города Беч*) [22, с. 60]. И наоборот, компоненты-топонимы могут обозначать расположенные поблизости населенные пункты, например, в прямой паремиологической номинации (*Новгород Нижний — сосед Москве ближний* [19, с. 300]) или при создании иносказательного этнокультурно маркированного выражения: *Ő is járt Debrecenről Kis-Várdaig* (букв.: шутол.-ирон. *Он тоже ездил из Дебрецена в Киш-Варду*, т. е. на небольшое расстояние) [22, с. 373] — о человеке, который необоснованно стремится казаться опытным, бывалым. По этой же номинативной модели и в таком же ироническом ключе строятся современные паремии нового типа — речевки футбольных фанатов, прагматическая цель которых — высмеять, унизить футбольную команду противника: «*Ротор*» *славен на века с Барбашей до Гумрака* (Запись 2011 г.).

Паремии с наименованиями периферийных населенных пунктов заслуживают особого внимания лингвокультурологов. Они запечатлели уникальные культурно-исторические реа-

лии регионального характера и, как правило, не имеют образных параллелей в других языках. Однако и эти безэквивалентные пословицы можно объединить под рубриками лингвострановедческой классификации, отражающей сферу происхождения языковых единиц, содержание их этнокультурного фона. Такие пословицы передают культурологически ценную информацию:

1) об особенностях расположения города:

Город Балахна стоит, поля распахня [3, с. 263]. *Стоит Балахна, поля распахня* [4, с. 42]. < Балахна растянулась по Волге версты на три [3, с. 263]; ср.: исп. *Torredelcampo en un barranco, Jamilena entre dos sierras, Torredonjimeno en un llano* (букв.: *Торределькампо — в овраге, Хамилена — между двух хребтов, Торредонхимено — на равнине*) [14, с. 115];

2) об исторических событиях, связанных с именем населенного пункта в истории страны и региона:

Новгородцы такали, да Новгород и протакали [3, с. 197]; *На вече галдели, да Новгород проглядели* [17, с. 191]. < О событиях 1478 г., когда прекратила свое существование Новгородская республика и Новгород вошел в состав Московского княжества); венг. *Heten vannak, mint a markotai ördögök* (букв.: *их семеро как маркотайских чертей*). < Согласно источнику 1820, в деревне Маркота, области Дьёр, когда-то промышляли семеро разбойников [22, с. 332]; исп. *En Calatanazor, Almanzor perdió el tambor* (букв. *В Калатаньяфоре Альмансур потерял барабан*) — пословица адресована человеку, который был непобедим во всем, но, в конце концов, проиграл. < Согласно историческим данным, арабский генерал Альмансур был знаменит своими завоеваниями, он нанес тяжелейшие поражения войскам христиан, но был разбит ими при Калатаньяфоре в 1002 году [14, с. 121]; венг. *Kivágták Bedön az erdőt* (букв.: *Вырубили лес в Бедё*) — шутил-ирон. ‘о необдуманных решительных действиях’. < В деревне Бедё, область Бихар, проживавшие там некогда валахи вырубили лес, чтобы туда не слетались вороны [22, с. 52]; венг. *megszokta, mint Debrecen az égést* (букв.: *привык как Дебрецен к пожарам*) [22, с. 193]. < В прежние времена город, действительно, неоднократно подвергался пожарам, например, в 1727 и 1802 г. (Средневековые пожары не обошли стороной и другие города, отразившись в национально-специфических паремиях и фразеологизмах с топонимическим компонентом, ср., напр.: *Москва от копеечной свечки (свечи) сгорела (загорелась)* ‘и ничтожные причины могут вызвать крупные события’. < Москва горела не раз. Так, 28 июля 1493 г. вспыхнул пожар от свечи в церкви Николая на Песках, а 30 мая 1737 года пожар начался от свечи в доме Милославского [5, с. 174–175; 19, с. 231];

3) о городских объектах:

Владимир: деревянные печи, золотые ворота, железные церкви [3, с. 261]. < Деревянная печь была в архиерейском доме Успенского собора; золотые ворота известны; железная церковь была у Рождественского монастыря [3, с. 261]; *Ездил чёрт в Ростов, да напугался крестов* [3, с. 262]. < Большое количество православных храмов в Ростове Великом; венг. *kevés haszna, mint a kecskeméti malomnak (szélmalomnak)* (букв.: *мало пользы, как от Кечкеметской мельницы (ветряной мельницы)*) — ‘о чем-л. бесполезном, ненужном’ [22, с. 314]; венг. *okos mint a kecskeméti szélmalom* (букв.: *умный как кечкеметская ветряная мельница*) — шутил. ‘о молчаливом, а значит умном, человеке’ < Мельница почти никогда не работает, не шумит [22, с. 408]; венг. *nagy a szája, mint a bécsi kapu* (букв. *у него рот большой как ворота в городе Беч*) [22, с. 60]; венг. *olyan az orra, mint a bécsi torony* (букв.: *у него нос, как башня в городе Беч*) [22, с. 60];

4) о народных промыслах и других занятиях населения в данной местности:

Учи астраханца рыбу пластать — ‘О мастере своего дела, которому не нужны ничьи советы’ [4, с. 330]. < В Астрахани издавна хорошо развит рыбный промысел; венг. *Ég Lagmacz* (букв.: *горит Лагмач*) — шутил. ‘о сильной жажде с похмелья’ < В деревне Лагмач, область Земплен, работали известные мастера обжига извести [22, с. 192]; исп. *En Valencia, medicina; en Salamanca, eruditos; teologos en Alcalá y en Valladolid, jurisperitos* (букв.: *В Валенсии — медики; в Саламанке — эрудиты; богословы в Алкале, а в Вальядолиде — юристы*) [15, с. 18];

5) о местной кухне, пище:

В Астрахани и коровы рыбу едят [3, с. 268; 4, с. 268]; *Живёт в Туле да ест дули* [3, с. 51, с. 267]; словацк. *Pôjdem na Brusník, dajú nám kapustník* (букв. *пойдем в Брушник, там нас угостят капустником*) [24, с. 541]. < *Капустник* — первое блюдо из капусты, свиных ребер и пшена;

6) о традиционной местной одежде:

Тула и зипун сдула, а Кашира и в рогозину вишила [11, с. 142]; ср.: венг. *kurta mint a szegedi szoknya* (букв.: *короткий как сегедская юбка*) < *Ceged* — город на юге Венгрии; *kurta mint a szeremlei szoknya* (букв.: *короткий как серемлейская юбка*) < *Серемле* — городок в области Пешт [22, с. 479].

7) о характере, привычках, обычаях жителей города:

Владимиры: и наши молодцы (как вологодские) ни бьются, ни дерутся, а кто больше съест, тот и молодец [3, с. 261]; *Вятский (Вячкой) — народ хватский (хвачкой): семеро одного не боятся* [18, с. 385]; *Упрям как новгородец* — народн. ‘об очень упрямом человеке’ [3, с. 332]; *Худ пермяк, да два языка знает*. < Русский и коми [3, с. 266]; венг. *Debreceni szokás, ha elkérnek tőled valamit, te menj érte* (букв.: *дебреценский обычай: если у тебя что-то просят, то ты за этим и сходи*) [22, с. 161]; словацк. *Oprítá Štiavnica, ospala Kremnica, hrdá Bystrica* (букв.: *пьяная Штявница, заспанная Кремница, гордая Быстрица*) [24, с. 542]; словацк. *Z Voce krava, z L'urče žena — to nikdy dobre nebuva* (букв.: *корова из Боцы и жена из Любеча никогда не бывают хорошими*) [24, с. 543]; франц. *Evreux, petites gens et gens moqueux* (букв.: *в Эврё мелочные и насмешливые люди*) [1, с. 41];

8) об отношениях между жителями соседних городов, территорий:

Галичане в кучу, костромичи в кучу, ярославцы прочь (врознь) [19, с. 62]. < От междоусобий Шемяки с Шуйским [3, с. 226]; словацк. *Liptov, Orava, Trenčín sú rodina* (букв.: *Липтов, Орава, Тренчин — семья*) [24, с. 542].

Тем не менее, в ряде случаев пословицы и фразеологизмы с подобными топокомпонентами обнаруживают общность на уровне структурно-семантической модели и / или передаваемой аксиологемы — ценностного смысла, например, «каждая местность славится чем-то своим»: *Богата (славна) Астрахань осетрами, а Сибирь соболями* [19, с. 98]; венг. *Debreceni pira, szegedi dohány, kassai tubák*. (букв.: *Дебреценская трубка, сегедский табак, кашшайский нюхательный табак*) [22, с. 400]; исп. *Pan de Vamba, mollete de Zaratan, ajos de Curiel, quesos de Penafiel y de Cerrato la miel* (букв.: *Хлеб из Бамбы, булки из Сапатана, чеснок из Курьяля, сыр из Пеньяфьяля и мед из Сеппато*) [15, с. 12]; исп. *Barcelona tiene barcos; Tarragona, peses; Valencia, naranjas, y Benavente nada* (букв.: *В Барселоне — суда; в Таррагоне — рыба; в Валенсии — апельсины, а в Бенавенте ничего*) [15, с. 18].

Учитывая специфику местности, национально-специфические паремии, построенные по одной логической схеме, ориентируют путешественника, покупателя и т. п.: *В Суздале да в Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиток* [3, с. 262]; фр. *qui voudrait avoir de bons couteaux, il faudrait aller à Saint-Lô* (букв.: *тому, кто хочет иметь хорошие ножи, нужно ехать в Сен-Ло*) [1, с. 42]; венг. *Debrecenbe pipáért. Szegedre dohányért* (букв.: *В Дебрецен за трубкой, в Сегед за табаком*) [22, с. 666]; словацк. *Kto chce koňa kúvať, nech ide do Debrícina, kto sa chce ženit, do Bystrice* (букв.: *Кто хочет купить коня, пусть идет в Дебрецен, кто хочет жениться — в Быстрицу*) [24, с. 541].

Переносное значение развивает паремиологический совет «не возить сов в Афины» (как известно, сова считалась атрибутом богини Афины) — ‘не стоит везти что-л. туда, где это имеется в избытке’. Этнокультурно детерминированные астионимы, аккумулирующие фоновые знания носителей языка, становятся компонентами паремий, образованных по данной структурно-семантической модели: *В Тулу со своим самоваром не ездят* [5, с. 63] (Тула — родина самовара, центр современного самоварного производства); *Don't carry coals to Newcastle* [7, с. 160] (город Ньюкасл — центр угледобывающей промышленности Англии).

От исходной пословицы в языке-источнике (греческом) образован фразеологизм со значением ‘брать с собой, везти что-л. туда, где это имеется в избытке’, который калькирован разными европейскими языками: лат. *Ululam Athenas ferre*, нем. *Eulen nach Athen*

tragen, чеш. *nosit sovy do Athén*, англ. *send owls to Athens* (букв.: *возить сов в Афины*). Национальной спецификой модель наполняется за счет этнокультурно маркированных топонимов: англ. *carry coal to Newcastle* (букв. *возить уголь в Ньюкасл*), венг. *a Dunába vizet hord* (букв.: *носить воду в Дунай*), *ехать в Тулу со своим самоваром* (в речи футбольных фанатов пословица приобретает еще один «культурный» (точнее — субкультурный) слой: *ехать в Тулу со своим «Арсеналом»*) («Арсенал» — тульская футбольная команда 2-го дивизиона).

Таким образом, не каждая паремия, содержащая этнокультурно детерминированные астионимы, является лакунарной в полном смысле этого слова. Национальная специфика, проявляющаяся на уровне образности, может сочетаться в таких паремиях с универсальным ценностным смыслом или интернациональной структурно-семантической моделью.

Задача исследователя в таких случаях — выявить реальное соотношение национально-го и интернационального на уровне формы, значения и мотивировки таких языковых единиц, обеспечить их адекватную семантизацию и лингвокультурологическое комментирование в словарях и учебниках русского языка.

Литература

1. Абрамова Е. С. Лакунарные фразеологизмы и паремии с компонентом топонимом во французском и русском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 41–42.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В 2-х т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. В 4-х т. Т. 1. М.: ГИС, 1955.
5. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991.
6. Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сьюнта, 1996.
7. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
8. Михельсон И. М. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М.: Русские словари, 1984.
9. Мокиенко В. М. и др. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: Олма Медиа Групп, 2011.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб.: Норинт, 2001.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
13. Подобин В. М., Зиминова И. П. Русские пословицы и поговорки. Л.: Лениздат, 1956.
14. Путова И. Н. Топоним в составе испанских и русских паремий // Научный вестник ВГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Вып. 1 (9). Воронеж, 2008. С. 117–124.
15. Путова И. Н. Этнокультурные особенности испанских паремий с топокомпонентом. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
16. Разумов А. А. Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М.: Детгиз, 1957.
17. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М.: Худ. лит., 1988.
18. Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З. П. Знобновой. Вып. 1–2. Уфа: Гилем, 2008.
19. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Нижний Новгород: Три богатыря; Братия славяне, 1996.
20. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989.
21. Танчук В. Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986.
22. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Gyűjtötte és rendezte PN Margalits, Ede egyetemi tanár. Budapest: Buschmann F. könyvnyomdája, 1897.
23. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha: Academia, 1983.
24. Zátvecký A. P. Slovenské príslovia, porekadla a úslovia. Bratislava: Tatran, 1974.